

Features of the Categorization of Knowledge about the World in Phraseological Semantics

Zakharova Nadezhda Nicolaevna¹

Associate Professor, Tula State University,
Tula, Russia.

(date of receiving: October, 2017; date of acceptance: July, 2018)

Abstract

In this article, questions of phraseological semantics are studied, it is noted that the categorization of knowledge occurs not only on the basis of generalization of the essential features of the object, but also includes image-emotional impressions, during which the image and concept are combined. The process of foundation of phraseological unit is presented as a kind of cognitive hypothesis generating, formed in the course of daily human activity in search of new meaning and at the same time in search of verbal signification own or adopted in this society relationship to the category. Introducing imagery in the process of verbalization of the concept, the subject of the nomination seeks to expand the volume of the classification series, to provide the classification system with one more feature. A consequence of this method of categorizing knowledge is the combination of the nominative function with the characterizing one in their polysemantic unity. The author gives examples illustrating the relationship between the two components of the semantics of the phraseological unit - emotional modality and imagery, which allows the phraseological sign to differentiate the properties of an object from the material or mental world, designating them as a separate nominative unit.

Keywords: Phraseologism, Phraseological Unit, Phraseological Semantics, Connotative Block of Semantics, Imagery.

1. E-mail: nadine1967@mail.ru

Особенности категоризации знания о мире в фразеологической семантике

Захарова Надежда Николаевна¹

Доцент, Тульский государственный университет,
Тула, Россия.

(дата получения: октябрь 2017 г.; дата принятия: июль 2018 г.)

Аннотация

В данной статье изучаются вопросы фразеологической семантики, отмечается, что процесс категоризации знания происходит не только на основе обобщения существенных признаков объекта, но и включает образно-эмоциональные впечатления, в ходе которых происходит слияние образа и понятия. Процесс формирования образности фразеологической единицы предстает как своеобразная генерирующая познавательная гипотеза, формирующаяся в процессе повседневной деятельности человека в поисках нового смысла и одновременно с этим в поисках вербального означивания собственного или принятого в данном социуме отношения к объекту номинации. Вводя образность в процесс вербализации понятия, субъект номинации стремится расширить объем классификационного ряда, предоставить классификационной системе еще один признак. Следствием такого способа категоризации знания становится соединение номинативной функции с характеризующей в их полисемичном единстве. Автором статьи приводятся примеры, подтверждающие взаимосвязь двух компонентов семантики фразеологической единицы – эмоциональной модальности и образности, которая позволяет фразеологическому знаку дифференцировать свойства предмета из материального или ментального мира, обозначив их отдельной номинативной единицей.

Ключевые слова: Фразеологизм, Фразеологическая Единица, Фразеологическая Семантика, Коннотивный Блок Семантики, Образность.

1. E-mail: nadine1967@mail.ru

Введение

Одной из существенных особенностей современного развития фразеологии является признание того, что фразеологический фонд языка представляет собой объект многоэлементный и включающий несколько различных составляющих, каждая из которых требует своего лингвистического исследования. Номинативная направленность семантики побуждает единицу избавиться от двойственности образа, которая препятствует однозначному пониманию языкового знака, но само возникновение фразеологической образности как основы фразеологизации свободного словосочетания свидетельствует о стремлении субъекта номинации расширить объем классификационного ряда, введя в оборот единицу, называющую такие черты объекта номинации, которые не могут быть названы другим знаком, то есть «одарить» классификационную систему еще одним признаком. Следствием такого способа категоризации знания становится соединение номинативной функции с характеризующей в их полисемичном единстве. Денотация вбирает в себя объективное содержание, соотносимое с классом обозначаемых объектов, а коннотация – содержание, в котором отражается чувство-отношение и субъективная оценка объекта номинации. Коннотативный блок представляет чувство-отношение к объекту номинации, которые побуждают искать тот ассоциативный модус, который «сплавляет» разные члены разных таксономических групп в нераздельное семантическое целое. Отношение носителя языка к объекту номинации опосредуется языковой картиной мира, которая существует в лингвосоциуме, а потому имеет непосредственную связь с культурой данного общества. В.Н. Телия предлагает называть блок, соединяющий несколько коннотативных значений, прагматически ориентированным, то есть соотносимым с различными прагматическими факторами – «с ассоциативно-фоновым (эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим и т.п.) знанием говорящих на данном языке

о свойствах или проявлениях обозначаемой реалии или ситуации, с рационально-оценочным или эмоционально-оценочным (эмотивным) отношением говорящего к обозначаемому, со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи или сферу языковой деятельности, социального отношения между участниками речи, ее формы и т.п.» (Телия 1996. 107).

Основная часть

Фразеологическая образность – это своеобразное совмещение образа и смысла, возникающее как результат сложения смыслов. В основе этого процесса лежит универсальное свойство человеческого познания идти от более знакомого, понятного к более абстрактному. Фразеологический образ, представление *смерти* как *оставление тела душой и ее движение по горнему пути к Богу: отправиться к праотцам, в мир иной, душа вон* и т.п.; представление безделья, ничегонеделания как создания видимости активной работы: *гонять собак, ваньку валять, плевать в потолок, бить баклуши*. Фразеологические знаки закрепляют в сознании носителя русского языка образную, оценочную, когнитивную модель восприятия мира, в том числе и тот перцептивный образ, который диктует особенности восприятия объектов внешнего мира по принципу уподобления и подстройки внешнего воздействия к внутренней модели (Захарова 2006). С.Д. Смирнов дает следующую картину хода познавательной деятельности на уровне восприятия: «Мы обычно воспринимаем некоторую чувственную данность как характеристику внешнего мира лишь тогда, когда наша гипотетическая конструкция апробирована через компарацию с результатами внешних воздействий на наши органы чувств» (Смирнов 1985. 153). Процесс формирования образности фразеологической единицы предстает как своеобразная генерирующая познавательная гипотеза, формирующаяся в процессе повседневной

деятельности человека в поисках нового смысла и одновременно с этим в поисках вербального означивания собственного или принятого в данном социуме отношения к объекту номинации. В.Ф. Петренко сравнивает категориальную сетку сознания с паутиной, которую ткёт паук из собственной же субстанции: «Для экспансии расширяющейся вселенной сознания используется подручный материал бытовых представлений и образов. Будучи идеальными, они могут редуцироваться неограниченно и, брошенные метафорой в незнание, позволяют навести первые мостки, освоить новую область познания скорее на уровне полупоэтического видения» (Петренко 1997. 29). Таким образом две области, две сферы понятий о разных, нетождественных, но схожих по приписываемым им признакам и функциональной значимости, обусловленных концептуальным видением мира, явлениях совмещаются на основе определенного ассоциативного модуля. В результате этого взаимодействия рождается языковой знак особой семантики – фразеологическая единица. Знаковая форма не просто дублирует действительность, а обобщает информацию, вводит в новые связи и отношения, за которыми стоит общественный опыт, фиксированный и кристаллизованный в значениях. Категоризация знания об объекте осуществляется в фразеологии не только на основе обобщения существенных признаков объекта, но и включает образно-эмоциональные впечатления, в ходе которых и происходит слияние образа и понятия.

Исследования последнего времени показали, что даже абстрактные понятия имеют некоторую «чувственную привязку». Экспериментально доказано, что содержание языкового знака может храниться в памяти и в виде некоего вербального кода, и в форме образа (Грайв, Джулли, Петренко). Фразеологический образ окрашивает опыт наглядно-чувственными красками. Он даёт сигнал о том, что новая познавательная ситуация в чём-то подобна уже пережитой, прочувственной, названной. Таким образом, образ и

эмоциональное отношение оказываются неразлучными спутниками, и более того – они помогают каждому человеку двигаться вперед, действовать, оценивать чьи-либо действия, опираясь на те концептуальные модели, которые явлены языком.

В.Ф. Петренко разводит по разные стороны понятия «абстрактность», «конкретность» и «образность». Проведенные им эксперименты показали, что «для слов, имеющих сильную эмоциональную окраску, коэффициенты образности получают высокую оценку, в то время как коэффициенты конкретности – низкую» (Там же. 55).

Предназначением экспрессивной ФЕ становится задача выразить «определенное внеязыковое содержание, связанное с качественно-количественной характеристикой реальных «предметов» и их эмоциональной оценкой субъектом». Функцией экспрессивного языкового знака является номинирование определенного единичного объекта, отличающегося неясной денотативной соотнесенностью: «Призвание такого знака состоит не в том, чтобы выделить и зафиксировать определенный класс явлений, а в том, чтобы выразить особенности данного референта» (Лукьянова 1986. 43). И это создает особый статус фразеологического знака – понятие-образ. Так, например, в ФЕ *плевать в потолок* сравнение *безделья* с вызывающей чувство пренебрежения образной ситуацией *плевания в потолок* приводит к тому, что единица приобретает эмотивное содержание не как элемент сигнификативного значения, а как часть коннотативного смысла. На наш взгляд, именно эмоциональное возбуждение побуждает человека искать аналогии объекту, явлению в уже знакомом, встречавшемся, которое вызывало подобные эмоции. В поисках аналогии отправной точкой служат признаки номинируемого объекта, вызывающие определенные эмоции. Поэтому связь образа и эмоции является закономерной и объясняется во многом самим характером познавательной и эмоциональной деятельности. Рожденная фразеологическая

единица (далее – ФЕ) обладает экспрессивностью генетически, поскольку в косвенной номинации происходит определенный семантический сдвиг, когда для означивания нового понятия используется «чужой» денотат и «чужое» вербальное выражение: *верста коломенская* (мера длины – человек), *чепуха на постном масле* (пища – речевая деятельность).

Таким образом, в косвенной номинации сближение двух разнородных в таксономическом плане объектов не только осмысленное, но и прочувствованное. Сближение происходит не по признакам естественного «мироделения», а по оценочно-эмоциональным координатам. Неоднородность сравниваемых объектов в реальном мире и их сведенность в одной точке по оценочно-эмоциональной шкале создает двойственность восприятия единицы, остранимость, которая до конца не «затушевывается» в знаке, поскольку является необходимым фактором для сохранения коннотативного блока информации единицы (Захарова. 2006).

Известный психолог П.К. Анохин высказывает мысль о глубинной связи эмоций с процессами предсказания ситуации на базе следов памяти. Эмоциональные переживания как типы реакций на жизненно значимые факторы закрепляются в нашей памяти и участвуют в оценке новой жизненной ситуации, извлекая из памяти подобные ситуации прошлого опыта вместе с положительной или отрицательной эмоциональной окраской (Анохин. 1968). Чтобы организовать свою деятельность адекватно ситуации, человек не просто проводит аналогию с подобным, активизируя эмоционально-психическую аналогию. Оценка, эмоциональное переживание и образостроение предстают не только элементами речепорождения, не только механизмами познания, но и механизмами, организующими поведенческую деятельность человека в различных жизненных ситуациях. Фразеологические образы не только моделируют отношение к миру, но и «подсказывают» поведенческие тактики на основе заложенной в них

эмоциональной оценки аналогичных тактик. Здесь мы вступаем в зону психических подсознательных процессов регулирования поведения человека, которые в достаточной степени не изучены наукой и в области которой исследование строится пока путем вероятностных проекций.

Обратимся к прагматическому компоненту семантики, который аккумулирует национально-культурное знание. Рассмотрим, каким образом протекает процесс фразеологизации книжной ФЕ. Так, ФЕ *нести свой крест* восходит к тексту Евангелия. В евангельском тексте *крест* изначально включает в себя помимо материальной соотнесенности и символично-метафорический смысл как символ страдания сына Бога. До Христа, во времена Кайафы распятие на кресте было самой позорной казнью, предназначенной для рабов после избияния у позорного столба. Вспомним, что Цицерон в знаменитой речи против Вереса упоминает нарушившего закон раба, который «немедленно по приказу претора был распят на кресте» (Цицерон. 79). Самый гнусный вид казни Христа был выбран для того, чтобы уничтожить память о Мессии, травестировать саму идею осмеянием носителя идеи. *Крест* в указанной ФЕ вбирает в себя жертвенную символику текста Евангелия и становится, благодаря христианскому контексту, символом преодоления смерти, тления духом. Таким образом, многие книжные фразеологизмы являются не только и не столько переосмыслением семантики свободного сочетания – они вбирают в себя глобальную семантику текста, его культурные коды. Во фразеологизме происходит «сгущение мысли», и мотивирующий текст становится «прецедентным текстом», которым «отсвечивает» семантика ФЕ.

Знание этой ассоциативно-генетической связи книжной ФЕ с текстом, ее породившим, становится необходимым для носителя языка, поскольку это знание не только обеспечивает понимание семантики ФЕ, но и формирует в сознании языковой личности представление о типовых контекстных

реализациях. Книжная ФЕ имеет наименьшую амплитуду колебаний в употреблении, т.е. узвальное стилистическое значение совпадает с достаточно ограниченным числом функционально-тематических и экспрессивных модификаций в литературном контексте. Постоянные контексты реализаций не только формируют функционально-стилевую прикрепленность ФЕ к книжно-письменному регистру, но и локализуют набор обслуживаемых референтных и коммуникативных ситуаций, допускают определенное соотношение социальных статусов и ролей в процессе общения и коммуникативного взаимодействия.

Фразеологическая единица, рожденная художественным контекстом (например, библеизм), наследует через сжатие семантики текста «обширное семиотическое пространство данной культуры», или, используя термин Ю.М. Лотмана, «семиосферу» культуры данного этноса (трубный глас, хлеб насущный, запретный плод, власть имущие, владыки мира, не от мира сего) (Лотман 1993. 340).

Определенная часть используемой книжной фразеологии относится по способу номинации к концептуальной метафоре: фразеологизмы *положить голову, пролить кровь за что-либо* представляют *смерть* как героическую гибель, в фразеологизмах-библеизмах *смерть* предстает как переход в иной мир: *отойти в мир иной, испустить дух* (сравним разговорно-фамильярные фразеологизмы *сыграть в ящик, отбросить копыта*, которые описывают *смерть* как обездвиженность). Концептуальные метафоры представляют концепт в различных фреймовых структурах, такое акциональное представление концепта не просто создает его разные лики, оно служит выделению определенных денотативных ситуаций, которые, несмотря на общее содержание, обладают индивидуальными характеристиками.

Нам представляется, что книжные и устно-разговорные ФЕ различаются в онтологическом плане. В основе их категоризации лежат разные источники

знаний. В основе устно-разговорной фразеологии лежит знание, которое формируется в ходе практической деятельности человека, то есть представляет опыт взаимодействия человека с природой и социумом. Познание мира начинается еще до овладения языком, и чувственное восприятие мира происходит в дальнейшем как получение той системы информации, которая регулируется соотношением языковых выражений и ситуации действительности. В ходе познания понятия об «интенциональных» объектах формируются на основе первичных концептов, доступных непосредственному восприятию (источником для фразеологической образности выступает тело, предметы быта, растительный и животный мир: *седьмая вода на киселе, сибирский валенок, гол как сокол, нужен как собаке пятая нога*). Так, назвав объект речи *тяжёлой артиллерией*, говорящий реализует представление о человеке как орудии, нацеленном на какую-то цель, а значит, ядерной зоной значения данной ФЕ становится семантика мощного воздействия на кого-л., которая опирается на общее знание и «воскрешение» в сознании коммуникантов представлений военной сферы и на сформированную этим знанием когнитивную модель «воздействие – военное действие». А вот какого рода будет это воздействие, каждый из говорящих интерпретирует исходя из собственного когнитивно-образного моделирования с опорой на контекст предложения. Используя данный знак в определённой коммуникативной ситуации, говорящий предполагает аналогичную эмпатию собеседника. Фразеологизм, выступая речевым знаком, аккумулирует как ядерное значение, так зону прагматической пресуппозиции.

В книжно-литературной фразеологии можно наблюдать известное «удаление» информации от непосредственного наглядного опыта человека. Источником фразообразования служит книжное знание. Наблюдается оперирование символами, принадлежащими к определенной культурно-семиотической сфере, часто инокультурной.

Образ – это одномоментное установление многочисленных связей между предметами и явлениями, он многозначен и неисчерпаем. Фразеологическая единица, включающая языковой образ, есть попытка вместить множественность взаимосвязей объектов, соединив логико-понятийный и образно-ассоциативный аспекты, попытка, в которой преодолевается ограниченность логико-вербального характера структурирования мира в языковой единице (как единице номинации), отсюда и возникает «эврисемичность» ФЕ, о которой упоминается в фразеологических исследованиях. Так, *идти куда глаза глядят* – это не просто идти в неопределённом направлении, это и сигнал определённого эмоционального состояния идущего, и образ дороги, без которых невозможны коннотативные приращения смысла. Наиболее значимым результатом этого явления выступает тот факт, что огромный пласт фразеологических единиц обладает полисемичностью. Речь идет о чрезвычайно сложной информативной насыщенности ФЕ – означивании одним языковым знаком полипризнакового явления, когда характеристики не могут быть расчленимы и воспринимаются носителем языка совокупно. При переводе на язык словарных толкований многие из фразеологизмов подвергаются упрощению, так как метаязыковое объяснение их семантического содержания требует многословного, многофакторного описания: «*Без мыла лезть / влезть в душу* – лезть, хитростью и т.п. вызывать на откровенность, добиваться доверия (говорится с неодобрением). Обычно подразумевается, что при этом имеются недобрые намерения» (Телия. 1985. 255). В указанной единице душа предстаёт как сокровенная, оберегаемая от вторжения область, проникновение оценивается как насилие, уподобляемое грубому физическому действию. Образ рождает полисемичность и неразложимость на дискретные семантические множители значения ФЕ. Цель появления вторичной номинации – не столько дать имя акции, сколько описать её признаки, позволяющие человеку оценивать это

действие неодобрительно, то есть выделить из ряда подобных действий данное, отличающиеся от них индивидуальными характеристиками (*затронуть за живое, мозолить глаза, плевать в душу*). В условиях непринуждённого, эмоционального общения возникает особая необходимость в языковом членении эмоционально-оценочных смыслов. Сравним разговорные единицы, призванные подчеркнуть интенсивность, неуправляемость тревожного эмоционального состояния:

1. *Пороть горячку* – разг. экспрес. *действовать с крайней поспешностью и неосмотрительностью*. (Фёдоров 1997. Т.2, 129), то есть *неосторожные, необдуманные действия уподобляются горячечному бреду (образ болезни)*.

2. *Стих нашёл* – устар. экспрес. 1. Какое-либо душевное состояние, настроение полностью овладевает кем-либо. (Фёдоров 1997.Т.2, 280). Е.Е. Елеонская в статье «Заговор и колдовство на Руси в XVII и XVIII столетиях» пишет: «В перечне заговоров, составленном дяками, обращает на себя внимание то, как они именовали заговоры, эти названия неясны, вследствие отсутствия точного содержания заговоров. Дьяки отмечают ”заговорец“, ”уговор“, ”статью“; в просторечии встречается термин ”стих“; какая разница, однако, в содержании или строении поименованных таким образом заговоров, решить трудно. Но заговорец ли, стих, статья — всякого названия заговор был ценным приобретением и его брали, где могли, не пренебрегая знаниями прохожего и проезжего незнакомого человека» (Елеонская 1912. 622). Как видим, причудливое, блажное состояние человека описывается как состояние, вызванное наговором, колдовством, против которого человек оказывается бессильным (образ заклятия).

3. *Шляя под хвост попала* – прост. неодобр. О человеке в неуравновешенном состоянии, проявляющем упорство, взбалмошность, самодурство (Фёдоров 1997. 74). Непредсказуемое, взбалмошное поведение человека уподобляется поведению норовистого коня (образ животного).

4. Во фразеологизмах *ум за разум заходит*, *разум помутился* психически нестабильное поведение человека означает как сумасшествие.

5. *Потерять голову* – разг. экспрес. 1. Приходить в состояние смятения, растерянности, оказавшись в тяжёлом положении; не знать, что делать, как поступать (Фёдоров 1997. Т. 2, 133). Состояние эмоционального смятения уподобляется потере головы (образ физиологический).

Книжная фразеология используется для означивания «возвышенной» референтной ситуации, которая в русском культурно-языковом сообществе считается близкой социальному идеалу – героическая или трагическая смерть, душевное страдание, слава, власть. Образная составляющая ФЕ и ее функциональная маркированность формируют «возвышенную» семантику контекста, дают определенную картинность изображения и предопределяют восприятие текста в оценочном и эмоциональном ключе. Так, фразеологизм *смотреть смерти в глаза* формирует уважительное отношение к объекту речи, поскольку в данной ФЕ *смерть* предстает как живое существо, приближение к которому губительно для человека, в результате чего референтная ситуация описывается как сознательное противостояние опасному противнику – смерти (ср. *попрать страх*). Можно сказать, что книжная ФЕ выступает дейктическим знаком, формирующим эмоциональную готовность читателя к прочтению текста в «высоком» регистре: «– *Что такое посмотреть смерти в глаза? – спрашивает Ксюша у бабушки, усаживаясь на кроватке и поворачивает к ней свою стриженную голову.*

Но бабушка ничего ей не отвечает, а только снова укладывает Ксюшу в кровать. «Странные эти взрослые», - думает про себя Ксюха, – «они говорят слова, смысла которых не знают. <...> «Вот и взрослые, такие же, как это дурочка Катя, говорят, а сами не понимают. Ну как можно смотреть смерти в глаза?» Ксюша знает, что такое смерть. Вот когда сосед Игорь оторвал у ее любимой куклы в розовом платье голову, мама сказала, что ее

кукла умерла. И никто ей в глаза не смотрел, она просто исчезла навсегда из коробки с игрушками и все. <...> «Странные они, эти взрослые», – Ксюша снова вспоминает свой вопрос: «что такое смотреть смерти в глаза?». «Почему-то все это говорят, а никто не знает, что это значит? Даже папа, который очень умный и знает ответы на все вопросы, и тот не знает. <...>

И вот она оказывается в полной темноте. Сначала ей ничего не видно, но потом она видит очертания, которые рисуют на картинках: плащ, коса. «Это смерть», – понимает Ксюша. «И значит ей можно посмотреть в глаза?» Вокруг темно, но глаза Ксюши уже привыкли к темноте, и она может различить черты лица и даже увидеть глаза. Глаза у нее большие-пребольшие и синие-пресиние, как небо, только без облаков, а зрачки черные-пречерные. «Ну вот, я и посмотрела смерти в глаза», – думает Ксюша, – и что теперь?». «А теперь ты умрешь», – говорит ей смерть, и тянет к ней из-под плаща свои руки. «Умру? Это что как моя кукла в розовом платье?» Смерть улыбается и кивает ей головой. «И я просто исчезну, как моя кукла из коробки с игрушками?» Смерть не отвечает, она все ближе и ближе. Ксюше хочется упасть на пол, дрыгать руками и ногами, кричать «не хочу», как она это делает, когда бабушка отводит ее в садик, но ни руки, ни ноги, ни голос не слушаются ее, и она продолжает лежать и покорно смотреть на приближающуюся к ней смерть. Но что-то внутри в ней вдруг целкает, и она сама себе говорит «нет!». И это мгновение ее маленькое тело превращается в один комок, и этот комок, будучи не в силах закричать в голос, кричит про себя «не-еееее-т». Вдруг становится светлее, нет, просто за спиной у смерти появляется огромный солнечный зайчик, и он светит ей в глаза. <...> И на смерти уже не черный плащ, а скорее зеленовато-серый, и она почему-то говорит теперь мужским голосом:

- Она еще под наркозом, и вас не слышит.

«Слышу, слышу», – хочет сказать Ксюша, но голос не слушается ее.

- *Мне нечем вас обнадежить. Мы удалили опухоль, но девочке предстоит еще шесть месяцев химиотерапии – продолжает незнакомый мужской голос, – ребенок может от нее умереть».* (Нина Охард Посмотреть смерти в глаза // <http://www.proza.ru/2015/05/28/5>)

Приведем еще один пример, какие богатые референциальные смыслы получает фразеологизм *печки-лавочки* – прост. пренебр. 1. Мелочи, пустяки; то, что обычно не стоит внимания. 2. у кого с кем. Близкие, короткие отношения на несерьёзной основе. 3. Пустые, досужие разговоры. (Фёдоров 1997. Т.2) в повести В.М. Шукшина: *«Я вон пошел с удочкой посидел, на бережку в тенечке – и все, и печки-лавочки»* (Шукшин 1988. 226). В приведенном фрагменте присутствует семантика *«хорошо, приятно», «не жизнь, а малина»*. То же наблюдаем в следующем фрагменте: *«Все будет – печки-лавочки! – кричал уже из окна Иван»* (Шукшин 1988. 233). Фразеологизм *печки-лавочки* имеет огромный символический смысл, приоткрывающий одну из констант личности Шукшина-писателя и Шукшина-человека: это поиски Правды как нравственности, обнаружение которой в мире и человеческих взаимоотношениях дарует редкие минуты гармонии, светлой радости души, возможности ее откровения миру. В.С. Елистратов называет «поиск Праздника» как неотъемлемую черту русского национального типа: *«Праздник – коротенькая цепочка добрых событий души, он совершается внутри человека. Русские люди ищут этот Праздник – этот Китеж души повсюду и всегда. Жажда Праздника души и жажда Единой Правды – это онтологически и метафизически одно и то же»* (Елистратов 2001. 406).

Одно из значений указанного фразеологизма пересекается с семантикой ФЕ *не жизнь, а малина* – прост. экспрес. Одно удовольствие (о беззаботном, радостном существовании). (Фёдоров 1997. Т.1, 234). Малина как сладкая ягода становится символом довольной, счастливой, радостной жизни.

Разговорная фразеология реализует потребность носителя языка в существовании большого количества номинаций, служащих для идентификации и дифференциации значительного числа ситуаций, которые при совпадении каких-то общих признаков, имеют отличные черты.

Заключение

Таким образом, процесс категоризации понятия при образовании фразеологического знака опирается на способность человека строить, исходя из широкого контекста индивидуального и социально-исторического опыта, в том числе и вербального, прогностическую модель – образ мира – и соответствующие этому образу познавательные гипотезы. Взаимосвязь компонентов семантики ФЕ – эмоциональной модальности и образности – обусловлена особым способом формирования понятия: не только посредством логических операций абстрагирования, но и сохранения эмоционально-чувственных представлений о номинируемом объекте, сливающихся в одно целое понятие-образ.

Литература

- 1- Анохин П.К. (1968). *Биология и нейрофизиология условного рефлекса*, М., Изд-во «Медицина».
- 2- Захарова Н.Н. (2001). *Особенности использования фразеологических единиц в художественном тексте: на материале произведений В.М. Шукшина*. Дисс. на соиск. ученой степени кандидата филол. наук. Тула, 235 с.
- 3- Елистратов В.С. (2001). *Русская правда Василия Шукшина (к метафизике национального характера)* // Словарь языка Василия Шукшина. М., Изд-во «Азбуковник», «Русские словари».
- 4- Елеонская Е.Е. (1912). *Заговор и колдовство на Руси в XVII и XVIII столетиях* // Русский архив, т. 50, № 4. <http://litresp.ru/chitat/ru/Л/leonskaya-elena/kj-izuchenyu-zagovora-i-koldovstva-vj-rossi/5>
- 5- Лотман Ю.М. (1993). *О семиотическом механизме культуры* // Лотман Ю.М. Избр. статьи. – т. 3. Таллинн, – С. 326 – 344.

- 6- Лукьянова Н.А. (1986). *Экспрессивная лексика разговорного употребления*. Проблемы семантики. – Новосибирск.
- 7- Орхард Н. (2015). *Посмотреть смерти в глаза* // <http://www.proza.ru/2015/05/28/5>. Дата обращения: 5.12.2017.
- 8- Петренко В.Ф. (1997). *Основы психосемантики*. М., Изд-во «МГУ».
- 9- Смирнов С.Д. (1985). *Психология образа: проблема активности психического отражения*. М., Изд-во «МГУ».
- 10- Телия В.Н. (1995). *Словарь образных выражений русского языка* / Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева и др.: Под ред. В.Н. Телия. М., Изд-во «Отечество».
- 11- Телия В.Н. (1996). *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М., Изд-во «Языки русской культуры».
- 12- Фёдоров А.И. (1997). *Фразеологический словарь русского литературного языка*. В 2-х т. М., Изд-во «Цитадель».
- 13- Цицерон Марк Тулий, *Речь против Гая Вереса*. Вторая сессия, книга V, «О казнях». 70 г. до н. э. / [http://ancientrome.ru/ antlitrt.htm?a=1267350004](http://ancientrome.ru/antlitrt.htm?a=1267350004).
- 14- Шукшин В.М. (1988). *Киноповести*. М., Изд-во «Искусство».

Bibliography

- 1- Anohin P.K. (1968). *Biologija i nevrofiziologija uslovnogo refleksa*, М., Изд-во «Medicina».
- 2- Zaharova N.N. (2001). *Osobennosti ispol'zovanija frazeologičeskikh edinic v hudozhestvennom tekste: na materiale proizvedenij V.M. Shukshina*. Diss. na soisk. uchenoj stepeni kandidata filol. nauk. Tula, 235 s.
- 3- Elistratov V.S. (2001). *Russkaja pravda Vasilija Shukshina (k metafizike nacional'nogo haraktera)* // Slovar' jazyka Vasilija Shukshina. М., Изд-во «Azbukovnik», «Russkie slovari».
- 4- Eleonskaja E.E. (1912). *Zagovor i koldovstvo na Rusi v XVII i XVIII stoletijah* // Russkij arhiv, t. 50, № 4. <http://litresp.ru/chitat/ru/L/leonskaya-elena/kj-izuchenyu-zagovora-i-koldovstva-vj-rossi/5>
- 5- Lotman Ju.M. (1993). *O semiotičeskom mehanizme kul'tury* // Lotman Ju.M. Izbr. stat'i. – t. 3. Tallinn, – S. 326 – 344.
- 6- Luk'janova N.A. (1986). *Jekspressivnaja leksika razgovornogo upotreblenija*. Problemy semantiki. – Novosibirsk.
- 7- Orhard N. (2015). *Posmotret' smerti v glaza* // <http://www.proza.ru/2015/05/28/5>. Data obrashhenija: 5.12.2017.

- 8- Petrenko V.F. (1997). *Osnovy psihosemantiki*. M., Izd-vo «MGU».
- 9- Smirnov S.D. (1985). *Psihologija obraza: problema aktivnosti psihicheskogo otrazhenija*. M., Izd-vo «MGU».
- 10- Telija V.N. (1995). *Slovar' obraznyh vyrazhenij russkogo jazyka* / T.S. Aristova, M.L. Kovshova, E.A. Ryseva i dr.: Pod red. V.N. Telija. M., Izd-vo «Otechestvo».
- 11- Telija V.N. (1996). *Russkaja frazeologija: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty*. M., Izd-vo «Jazyki russkoj kul'tury».
- 12- Fjodorov A.I. (1997). *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka*. V 2- h t. M., Izd-vo «Citadel'».
- 13- Ciceron Mark Tulij, *Rech' protiv Gaja Veresa*. Vtoraja sessija, kniga V, «O kaznjah». 70 g. do n. je. / [http://ancientrome.ru/ antlitrt.htm?a=1267350004](http://ancientrome.ru/antlitrt.htm?a=1267350004).
- 14- Shukshin V.M. (1988). *Kinopovesti*. M., Izd-vo «Iskusstvo».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Zakharova Nadezhda Nicolaevna (2018). Features of the Categorization of Knowledge about the World in Phraseological Semantics. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 12(2):pp:155-172

DOI: 10.29252/iarll.12.155

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-147-en.html>

ویژگی‌های طبقه‌بندی دانش پیرامون جهان در اصطلاحات و ترکیبات پایدار

نادژدا نیکالایونا زاخارووا^۱

دانشیار دانشگاه دولتی تولا،

تولا، روسیه.

(تاریخ دریافت: اکتبر ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۱۸)

در مقاله حاضر به موضوع معناشناسی اصطلاحات و تعبیرات پرداخته می‌شود. در فرایند طبقه‌بندی و مقوله‌سازی دانش نه‌تنها درک ویژگی‌های اصلی مفهوم نقش دارد، بلکه اساساً با عنصر عاطفی موجود در آن مفهوم نیز در ارتباط است و باعث پیوند معنا و صورت می‌گردد. فرایند ساخت واحدهای کنایه‌ای و ترکیبات پایدار به مثابه فرضیه منحصربه‌فرد زایشی است که در فرایند فعالیت روزمره انسان با هدف ایجاد مفهوم و ابزار کلامی جدید برای بیان آن مفهوم است. با اضافه‌شدن مفهوم جدید کنایه‌ای به یک پدیده در حقیقت یک ویژگی جدیدی در مقوله‌سازی دانش ایجاد می‌شود. در نتیجه چنین مقوله‌سازی دانش، پیوند نقش نامشی و نقش بیان مفهوم کنایه‌ای در پدیده چندمعنایی واژه‌ها محقق می‌گردد. نویسنده در این مقاله نمونه‌هایی را ذکر می‌کند که بر اساس آنها ارتباط دو جزء معنایی واحدهای کنایه‌ای زبان اعم از جزء احساسی و عواطف و جزء معنای کنایه‌ای اثبات می‌شود و ابزار بیان مفاهیم کنایه‌ای برای بیان ویژگی‌های متمایزکننده یک پدیده از جهان مادی یا غیرمادی تعریف می‌گردد.

واژگان کلیدی: اصطلاحات و تعبیرات، واحدهای زبانی با مفهوم کنایه‌ای، معناشناسی اصطلاحات و تعبیرات، بعد کنایه‌ای معناشناختی، ویژگی مفهوم کنایه‌ای.